

Понятіе шпіонства по иностраннымъ законодательствамъ.

(1810—1911 гг.).

Шпіонство въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ оно организуется въ настоящее время, стало впервые практиковаться германцами съ половины прошлаго столѣтія. Ранѣе же этого момента, хотя шпіонствомъ пользовались, но, во-первыхъ, оно преслѣдовало совершенно инныя цѣли, а, во-вторыхъ, не представляло сложной организаціи, существующей *постоянно* и функционирующей не въ виду предполагаемой войны, а вообще на случай ея. Этими чертами современное шпіонство отличается отъ шпіонства стараго времени. Конечно, всѣ полководцы прекрасно понимали важное значеніе военно-развѣдывательной службы въ мирное время, но организація ея требуетъ такихъ огромныхъ постоянныхъ затратъ труда и денегъ, что она начинала дѣйствовать обыкновенно только въ періодъ войны.

Напримѣръ, Фридрихъ Великій удѣлялъ много вниманія шпіонству и всегда прекрасно былъ освѣдомленъ о всемъ происходящемъ у непріятеля. «У меня поваръ одинъ, а шпіоновъ—сотня», были его обычные слова. Взглядъ Суворова на данный вопросъ виденъ изъ его письма генералу Краю отъ 23-го августа 1799 года. «Затѣмъ должно стараться получать достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи противника; узнать точнѣе о направленіяхъ и силѣ наступающихъ колоннъ непріятельскихъ и въ особенности объ именахъ ихъ начальниковъ».

Наполеонъ по этому поводу сказалъ вполне опредѣленно, что «всякій генералъ, который, дѣйствуя не въ пустынь, а въ населенномъ краѣ, если не будетъ достаточно освѣдомленъ о противникѣ, — не знатокъ своего дѣла».

На практикѣ же геній Наполеона давалъ ему возможность организовывать шпионство, которое по своимъ результатамъ не уступить работамъ современныхъ агентовъ: донесенія Карла Шудльмейстера безусловно поучительны и въ настоящее время ¹⁾. Однако, шпионы Наполеона посылались лишь въ пункты предполагаемаго театра войны, тогда какъ въ настоящее время шпионы бродятъ всюду. Еще не успѣли засохнуть чернила мирнаго русско-японскаго договора, какъ японскіе агенты уже появились у насъ.

Законъ есть отраженіе жизни, и рассматривая его формулы за извѣстный періодъ времени, мы ясно составимъ себѣ понятіе, какъ смотрѣли его современники на данное явленіе. Въ вопросѣ о шпионствѣ законодательство европейскихъ государствъ также отразило на себѣ отмѣченную выше эволюцію. Вся исторія развитія законодательства по борьбѣ съ шпионствомъ указываетъ на стремленіе законодателя, подъ давленіемъ дѣйствительныхъ фактовъ, ограничивать область свѣдѣній, доступныхъ къ свободному обращенію въ широкой публикѣ и расширить кругъ лицъ, подлежащихъ отвѣтственности за разглашеніе этихъ свѣдѣній.

Древнѣйшій, изъ дѣйствующихъ нынѣ европейскихъ законодательныхъ сборниковъ, *code pénal*, предусматривалъ выдачу государственныхъ и военныхъ тайнъ лишь должностными лицами, сверхъ того, слишкомъ суживалъ область, воспрещенныхъ къ разглашенію, свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, за сообщеніе военныхъ тайнъ виновный подлежалъ лишь отвѣтственности въ томъ случаѣ, если передалъ свѣдѣнія изъ числа тѣхъ, которыя перечислены закономъ исчерпывающимъ образомъ.

Короче, *code pénal* (art. 80 и 81) воспрещалъ передачу государственныхъ и военныхъ тайнъ исключительно лишь агентамъ иностранной державы или непріятеля, что, конечно, значительно затрудняло борьбу со шпионствомъ, такъ какъ всегда существуетъ значительное количество тайныхъ агентовъ иностраннаго государства, между тѣмъ какъ доказать эту преступную связь не представляется возможнымъ ²⁾. Государственной тайной *code pénal* (art. 80) объявлялъ тайну переговоровъ (*négociations*) и предпріятій (*expé-*

¹⁾ Познакомиться съ ними можно по брошюрѣ Paul'a Müller'a, въ переводѣ г. Клембовскаго — „Карлъ Шудльмейстеръ“.

²⁾ На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ наше дѣйствующее Уголовное уложеніе.

ditions); понятіе же военной тайны (art. 81) ограничивалось только перечисленными въ законѣ планами, гдѣ упоминались: планы укрѣпленій, арсеналовъ, портовъ или рейдовъ.

Отвѣтственности за выдачу государственной тайны агентамъ непріятеля или иностранной державы подлежало отнюдь не каждое лицо, совершившее эту выдачу, а лишь всякое должностное лицо, которое ознакомилось съ тайнами, будучи официально, или въ силу своего положенія, поставлено въ извѣстность объ упомянутыхъ выше государственныхъ тайнахъ. Въ случаѣ же передачи военной тайны, отвѣтственности подлежало всякое должностное лицо, всякій агентъ правительства и всякое приставленное имъ лицо, которое было обязано своей службой къ охраненію сихъ тайнъ. Всѣ же прочія лица подлежали отвѣтственности за выдачу плановъ непріятелю или агенту иностранной державы только въ томъ случаѣ (art. 82), когда завладѣвали тайной путемъ похищенія этихъ плановъ посредствомъ подкупа, обмана или насилія.

Очевидно, при такихъ условіяхъ нѣмцы могли почти безпрепятственно вести свою развѣдку во Франціи и, дѣйствительно, за два года до Франко-Прусской войны, т. е. въ 1868 году, они организовали систематическую развѣдку во Франціи ³⁾.

Французскія власти не замѣтили эту подпольную работу нѣмецкихъ агентовъ до войны, не обращали на нее должнаго вниманія нѣкоторое время послѣ своего разрома и только 18-го апрѣля 1886 года былъ изданъ новый болѣе совершенный и дѣйствительный законъ, устанавливающій наказанія за шпионство.

Законъ 1886 года, нынѣ дѣйствующій, послужилъ образцомъ для законодательства другихъ европейскихъ странъ, въ томъ числѣ и для нашего закона 20-го апрѣля 1892 года. Разсмотрѣвъ онъ будетъ ниже.

Нѣмцы, при составленіи германскаго уголовного уложенія 1871 года, очевидно, принимали во вниманіе только свою практику, такъ какъ французскіе шпионы врядъ-ли могли имъ дать много поучительнаго матеріала, въ виду того, что «во Франціи правильная организація военно-развѣдывательнаго дѣла существуетъ лишь со времени войны 1870 года» ⁴⁾.

Постановленія германскаго уголовного уложенія для насъ весьма интересны, ибо, сравнивая ихъ съ позднѣйшими германскими за-

³⁾ Ролленъ. Военно-развѣдывательная служба въ мирное и военное время, стр. 24.

⁴⁾ Ролленъ, указ. соч. стр. 23.

коноположеніями по тому же вопросу, мы составимъ себѣ ясное понятіе объ измѣненіи германскихъ идей по затронутому вопросу, а также о германской системѣ шпионства въ ея существенныхъ чертахъ.

Германскій законъ 1871 года, хотя совершенноѣ французскаго *code pénal*, но все же еще значительно ограничиваетъ понятіе государственной измѣны путемъ выдачи военныхъ и государственныхъ тайнъ.

Согласно п. 1, § 92 этого уложенія, наказуемымъ объявлялось сообщеніе другому правительству или опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе государственныхъ тайнъ, плановъ крѣпостей или такихъ документовъ, актовъ или свѣдѣній, относительно которыхъ виновный *зналъ*, что сохраненіе ихъ въ тайнѣ отъ другихъ правительствъ необходимо для блага германской имперіи или одного изъ государствъ союза.

Такимъ образомъ, по точному смыслу этого постановленія, виновнымъ въ сообщеніи или опубликованіи секретныхъ свѣдѣній можетъ быть всякое лицо, а не только должностное, но для этого необходимо, во-первыхъ, чтобы виновный *зналъ*, что онъ передаетъ иностранному правительству секретныя для него свѣдѣнія, и, во-вторыхъ, чтобы онъ сознавалъ, что сохраненіе въ тайнѣ этихъ свѣдѣній требуется благомъ германской имперіи или одного изъ государствъ союза.

Изъ приведеннаго закона видно, что отъ его уголовной кары, подобно *code pénal*, ускользала вся шпионская, въ тѣсномъ смыслѣ слова, дѣятельность, т. е. собираніе, храненіе и размноженіе секретныхъ свѣдѣній, а равно злонамѣренное проникновеніе въ укрѣпленныя мѣста. Это обстоятельство, казалось бы, можно объяснить тѣми соображеніями, что въ то время германскіе шпионы во Франціи не встрѣчали большихъ затрудненій при выполненіи своихъ преступныхъ умысловъ, въ силу чего германскіе законодатели не обладали надлежащимъ фактическимъ матеріаломъ въ столь новомъ вопросѣ; съ другой же стороны, германская развѣдка не сложилась еще въ стройную систему, какъ теперь и, наконецъ, сама Германія не ощущала необходимости въ принятіи предупредительныхъ мѣръ отъ нашествія иностранныхъ шпионовъ.

Послѣ Франко-Прусской войны, европейскія государства, какъ никогда до того времени, начали лихорадочно вооружаться, стараясь обогнать другъ друга могуществомъ своихъ крѣпостей, совершенствомъ ружья и орудій.

При этихъ условіяхъ приблизительное равенство въ вооруженіи европейскихъ армій значительно поколебалось и на первый планъ выступило значеніе техническихъ средствъ веденія войны. Къ этому же необходимо еще добавить, что численность и качественный составъ самихъ армій также подверглись большимъ измѣненіямъ. Въ виду приведенныхъ выше соображеній, европейскія правительства, чтобы не потерять значенія въ международномъ концертѣ и обезопасить свое положеніе среди другихъ государствъ, нынѣ уже должны быть въ курсѣ всѣхъ измѣненій въ области военного дѣла возможнаго врага.

Конечно, чтобы обладать преимуществами въ будущей войнѣ, государства заинтересованы скрывать, до поры до времени, видимыя у себя измѣненія въ вооруженіи, организациі, числѣ войскъ и т. д. При современномъ положеніи военного искусства упущенія мирнаго времени, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уже непоправимы во время войны. Вотъ почему для учета силъ противника военныя власти должны заблаговременно и постоянно изучать его, что требуетъ огромной массы свѣдѣній, раздобыть которыя не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ.

Всѣ эти явленія европейской жизни вызвали небывалое развитіе шпионства, измѣнили его организацию, а равно и дѣли, преслѣдуемая имъ. Въ старое время шпионы начинали шевелиться лишь въ предвидѣніи войны, когда грозовыя тучи показывались на политическомъ горизонтѣ, вслѣдствіе чего въ обязанность имъ, главнымъ образомъ, вмѣнялось разузнаваніе дѣйствительныхъ замысловъ даннаго правительства по вопросу о вѣроятіи вооруженнаго столкновенія.

Конечно, теперь шпионство не можетъ ограничиться столь тѣсными и опредѣленными заданіями. Теперь шпионъ во многихъ случаяхъ долженъ самъ разбираться въ относительной цѣнности видѣнныхъ имъ фактовъ, а въ большинствѣ случаевъ ему вмѣняется въ обязанность доставлять всѣ свѣдѣнія, касающіяся военного дѣла, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, не разсматривая ихъ съ точки зрѣнія военной цѣнности (германская система).

Такъ какъ наибольшее обостреніе послѣ войны 1870 года существовало между Франціей и Германіей, то, естественно, что именно въ этихъ странахъ наиболѣе работали шпионы, а въ виду того, что Германія уже имѣла новый законъ, то измѣнившаяся практика ея шпионства должна была вызвать со стороны францу-

зовъ измѣненія предупредительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ народившимся зломъ.

И дѣйствительно, въ 1886 году во Франціи былъ изданъ упомянутый выше законъ, установившій новое понятіе самого шпионства.

Починъ Франціи послужилъ сигналомъ для другихъ державъ къ пересмотру своихъ дѣйствующихъ законовъ о шпионствѣ, а именно: въ 1889 году былъ изданъ англійскій законъ, въ 1890—италіанскій; въ 1892—отечественный, незначительно затѣмъ измѣненный въ 1903 году; въ 1893—германскій; въ 1902—норвежскій; въ 1907—японскій; въ 1910—сербскій и въ 1911—сѣвероамериканскихъ соединенныхъ штатовъ.

Однако, эта тяжелая законодательная работа не исчерпывается перечисленными результатами и въ самое послѣднее время выработано нѣсколько новыхъ проектовъ, какъ, напримѣръ, въ 1908 году проектъ швейцарскаго закона, въ 1909—австрійскаго, въ 1910—германскаго. Raoul de Rudeval («Практическій очеркъ развѣдывательной службы») сообщаетъ, что во Франціи вырабатывается «законопроектъ еще болѣе точный и полный»⁵⁾.

При разсмотрѣніи послѣднихъ законовъ и законодательныхъ проектовъ будетъ видно, что до сихъ поръ еще не установлено вполне опредѣленнаго уголовно-юридическаго понятія шпионства вообще и тайны въ частности, хотя замѣтна вполне опредѣленная тенденція расширить объектъ преступленія государственной измѣны путемъ шпионства.

По вопросу о томъ, кто можетъ быть виновнымъ въ сообщеніи или опубликованіи секретныхъ свѣдѣній, въ настоящее время, всѣ известные намъ законы пришли къ одному, неизбѣжному выводу, что отвѣтственности подлежить всякое лицо, тѣмъ или инымъ способомъ, огласившее эти свѣдѣнія.

Въ дѣйствительности, конечно, нельзя закрывать глаза на сообщенія свѣдѣній лицами, не имѣющими официального или служебнаго касательства къ военнымъ секретамъ. Свѣдѣнія, интересующія иностранныя государства, могутъ быть собраны лицомъ, не имѣющимъ никакого касательства къ тайнѣ, причѣмъ безъ тѣхъ ухищреній, наличіе которыхъ по *code pénal* только и дѣлало виновнымъ частное лицо въ шпионствѣ, а между тѣмъ ущербъ воен-

⁵⁾ Книга Raoul de Rudeval'a переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Развѣдка и шпионажъ». См. № 27 «Свѣдѣній изъ области военнаго дѣла заграничей», 1911 г.

ной оборонѣ государства будетъ нанесенъ. Если иностранныя правительства платятъ весьма значительныя деньги (до 300—400 руб. въ мѣсяць) только за регулярное доставленіе циркулирующихъ въ извѣстныхъ кругахъ разговоровъ, то, конечно, такой корреспондентъ является типичнымъ шпиономъ и странно бы было считать его дѣйствія безразличными съ точки зрѣнія уголовного закона. Къ сожалѣнію, у насъ еще до сихъ поръ по этому поводу не установилось трезваго взгляда.

Въ частности, французскій законъ 18 апрѣля 1886 года, говоря въ п. п. 1 и 2 art. 1 о лицахъ, которымъ секретныя свѣдѣнія были ввѣрены по службѣ или которыя узнали о нихъ «официально, или по своему положенію, профессіи, или особому порученію», упоминаетъ въ art. 1er 2-мъ о «всякомъ лицѣ», которое сообщитъ или разгласитъ свѣдѣнія, заимствованныя изъ секретнаго источника. Первый случай является квалифицированнымъ видомъ шпионства, обложеннымъ болѣе тяжкимъ наказаніемъ.

Германскій законъ 3 іюля 1893 года о государственной измѣнѣ путемъ выдачи военныхъ тайнъ, проектъ германскаго уголовного уложенія (§ 108), австрійское уложеніе (§ 67) и проектъ новаго уложенія (§ 126), швейцарскій проектъ уложенія (art. 196), сербскій законъ о наказаніяхъ (§ 85 и др.) и италіанское уложеніе (art. 107) виновнаго опредѣляютъ общими выраженіями: «кто сообщитъ», «кто откроетъ» и т. д. При этомъ италіанскій законъ увеличиваетъ наказаніе виновному, если онъ обладаетъ военными или государственными тайнами «въ силу своего положенія, или инымъ образомъ достигъ ознакомленія съ ними, или же овладѣлъ ими, или приобрѣлъ знакомство съ ними путемъ насилія или обмана». На этомъ законѣ, очевидно, сказалось вліяніе французскаго права.

По современнымъ воззрѣніямъ, слѣдовательно, виновнымъ въ нарушеніи государственной или военной тайны можетъ быть и туземный поданный и иностранецъ. Конечно, съ логической точки зрѣнія между этими двумя категоріями лицъ слѣдовало бы дѣлать различіе, такъ какъ, очевидно, что измѣнникомъ можетъ быть только туземный поданный, шпиономъ же, въ противоположность ему, иностранецъ. Однако изъ чисто практическихъ соображеній въ положительныхъ законоположеніяхъ при конструкціи виновности лицъ въ нарушеніи тайнъ это подраздѣленіе не приводится и карающая власть не считается съ подданствомъ изобличеннаго въ шпионствѣ лица, наказывая иностранцевъ столь же строго, какъ и своихъ подданныхъ.

Въ нѣкоторыхъ кодексахъ (австр., герм., франц.) различается виновность лицъ, нарушившихъ тайны, съ другой точки зрѣнія, а именно—уголовная кара значительно разнится отъ того, будетъ ли только добывать (развѣдывать) данное лицо тайны или уже передать, сообщить или огласить ихъ.

Охраняя государственную и военную тайну, французскій законъ 1886 года караетъ за открытіе, сообщеніе, разглашеніе этихъ тайнъ полностью или же частичныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ отсюда, а равно опубликованіе или воспроизведеніе ихъ (art. 1 и 2). Тяжесть наказанія, какъ было уже сказано выше, увеличивается для служащихъ и другихъ отмѣченныхъ закономъ лицъ. Значительно уменьшается наказаніе тому виновному, который, не имѣя на то полномочія, будетъ добывать тайны (art. 3). Въ данномъ случаѣ, налицо типичный видъ шпионства, но такъ какъ добываніе военныхъ или государственныхъ тайнъ является, собственно говоря, подготовительной дѣятельностью для ихъ передачи, то, въ виду этого, по французскому закону наказаніе понижается. Въ приведенномъ пунктѣ сказалось малое еще знакомство французскихъ законодателей съ практикой шпионажа. Дѣло въ томъ, что «добываніе» свѣдѣній отнюдь не является только подготовительной дѣятельностью къ шпионству, какъ кажется, если оцѣнивать фактъ съ юридической точки зрѣнія. Шпионство—дѣлающееся преступное дѣяніе, окончаніе котораго мы въ большинствѣ случаевъ не усмотримъ. Въ виду этого, въ шпионствѣ совершенно особое значеніе приобретаетъ начальная дѣятельность виновнаго лица.

Ко времени составленія французскаго закона 1886 года германское шпионство, для борьбы съ которымъ именно и былъ созданъ этотъ законъ, сдѣлало огромные успѣхи, и нужно отдать должное французамъ,—они довольно удачно конструировали преступныя дѣйствія при шпионствѣ.

Дѣйствующее германское уголовное уложеніе 1871 года воспрещаетъ сообщать другому правительству или опубликовывать во всеобщее обращеніе свѣдѣнія, носящія характеръ тайны (п. 1, § 92). Но, конечно, столь неопредѣленное постановленіе закона совершенно неудовлетворительно и показываетъ, какъ думается, что къ моменту составленія уложенія германскіе шпионы не достигли современной намъ виртуозности. Вотъ почему германскіе законодатели и не предвидѣли всѣхъ шпионскихъ ухищреній, примѣняемыхъ въ цѣляхъ передать добытыя свѣдѣнія самымъ невиннымъ способомъ.

Въ соотвѣтствіе сказанному, составители законопроекта 1910 г., въ объяснительной запискѣ, п. 1 § 92 уложенія 1871 г. считаютъ неудовлетворительнымъ, слишкомъ узкимъ по объему и несоотвѣтствующимъ требованіямъ, повысившихся въ своемъ значеніи, военныхъ интересовъ.

3 іюля 1893 года нѣмцы издали весьма совершенный законъ о государственной измѣнѣ путемъ выдачи военныхъ тайнъ, на которой оказала значительное вліяніе блестящая дѣятельность ихъ шпионовъ. Постановленія новаго закона изложены въ общей редакціи, каковое обстоятельство дѣлаетъ его гибкимъ въ тѣхъ, очевидно, цѣляхъ, чтобы дать возможность судебной практикѣ толковать его вкривь и вкосъ, соотвѣтственно данному случаю. §§ 1 и 2 разсматриваемаго закона караютъ за умышленную передачу или сообщенія свѣдѣній, содержащихся въ тайнѣ. Опубликованіе свѣдѣній по закону 3 іюля равносильно сообщенію ихъ или передачѣ. §§ 3 и 4 этого закона предусматриваютъ «добываніе или узнаваніе» секретныхъ свѣдѣній. Наказаніе за «добываніе или узнаваніе» по германскому закону 1893 г. очень значительное и можетъ достигать до 10 л. каторжной тюрьмы (Zuchthaus), превышая даже по тяжести наказаніе, опредѣленное въ § 2 за передачу или сообщеніе тайнъ.

На выработкѣ этого закона, очевидно, повліяла практика германскаго шпионства. Нѣмцы прекрасно понимаютъ, что доказать какія свѣдѣнія переданы виновнымъ иногда не представляется физической возможности. Въ значительномъ числѣ случаевъ, бываетъ лишь установлено, что обвиняемый передалъ какія-то свѣдѣнія, о чемъ можетъ свидѣтельствовать захваченная переписка. Можно даже догадываться, по тѣмъ выраженіямъ благодарности и похвалы, которыя заключаются въ письмахъ, что передано что то весьма интересное для иностранныхъ властей, но этого еще мало для отвѣтственности за шпионство. По смыслу закона, необходимо точно опредѣлить, какія именно свѣдѣнія переданы виновнымъ. Но какъ это исполнить?—Все переданное уже перешло и, быть можетъ, безвозвратно за границу даннаго государства; использованные секреты возвращены въ надлежащія учрежденія; черновики, наброски, замѣтки и т. п. слѣды преступной дѣятельности опытнымъ шпиономъ уничтожены,—а фактъ передачи несомнѣненъ...

Въ виду приведенныхъ соображеній, § 3 закона 3 іюля вполне логично караетъ каторжной тюрьмой до 10 лѣтъ того, кто умышленно добудетъ или узнаетъ о секретныхъ свѣдѣніяхъ съ намѣреніемъ воспользоваться ими въ цѣляхъ сообщенія другимъ лицамъ,

угрожая тѣмъ опасности германской имперіи. По юридической конструкціи это постановленіе предусматриваетъ всего только приготовленіе къ государственной измѣнѣ путемъ шпионства въ мирное время и, казалось бы, столь жестокое наказаніе противорѣчитъ юридическому смыслу. Однако, съ практической стороны, въ собраніи и добываніи военныхъ тайнъ именно и заключается шпионская дѣятельность. Нельзя же государственной власти, въ угоду теоретическому мышленію, ждать того момента, когда военные секреты будутъ въ рукахъ иностранныхъ властей и когда уже не представится возможнымъ установить, во первыхъ, что передано, а, во вторыхъ, задержать виновнаго, успѣвшаго пересѣчь пограничную черту. Германскіе законодатели постигли зло въ самомъ корнѣ. Къ сожалѣнію, нашъ дѣйствующій законъ, даже по редакціи 1903 г., совершенно упустилъ отмѣченную только что характерную особенность шпионства.

Поль Лянуаръ, нападая на французскій законъ 1886 года, восхищается германскимъ закономъ 1893 года (онъ его называетъ закономъ 1892 года)⁶⁾. «Будемъ, говорить этотъ не особенно глубокой изслѣдователь нѣмецкаго шпионства, слѣдовать примѣру нѣмцевъ, которые въ 1892 году объявили, что тотъ, кто приходитъ въ страну извнѣ добывать предметы, документы и свѣдѣнія, — шпионъ. Кто же продаетъ, отдаетъ, достаетъ или даже только пытается продавать, отдавать или доставлять кому-либо предметы, документы и свѣдѣнія, розыскиваемые этимъ послѣднимъ, — измѣнникъ. Сколько логики и здраваго смысла въ этомъ нѣмецкомъ законѣ 1892 года, который запрещаетъ иностранцамъ являться въ Германію за тѣмъ, что находящійся въ силѣ французскій законъ 1886 года не мѣшаетъ нѣмцамъ и швейцарцамъ дѣлать во Франціи!»

Что нѣмецкій законъ 1893 года имѣетъ много логики и здраваго смысла, — было отмѣчено выше, но его достоинства заключаются совершенно не въ томъ, о чемъ говоритъ Поль Лянуаръ. Откуда Лянуаръ вывелъ заключеніе о раздѣленіи германскимъ закономъ виновныхъ въ нарушеніи военныхъ тайнъ на измѣнниковъ и шпионовъ, по признаку подданства, извѣстно, вѣроятно, только этому автору. Сущность закона была уже изложена и, конечно, заключенія, подобнаго тому, что сдѣлалъ Лянуаръ, изъ закона вывести нельзя. Хотя нѣмцы выдѣлили особо, въ чемъ достоинство ихъ закона, и обложили тяжкимъ наказаніемъ *добываніе* или *узнаваніе* военныхъ тайнъ, но это постановленіе равносильно касается какъ

германскихъ подданныхъ, такъ въ той же степени и иностранцевъ. Ключъ къ разумѣнію германскаго закона 3 іюля не въ національности виновнаго, а въ его дѣятельности. Очевидно, Поль Лянуаръ совершенно не понялъ закона 1893 года. Сверхъ того, онъ не усмотрѣлъ, что при составленіи закона 1893 года, какъ видно изъ объяснительной записки къ новому проекту, нѣмцы имѣли въ виду art. 3 французскаго закона 1886 года, построенный на томъ же принципѣ, но, конечно, уступающій въ совершенствѣ болѣе позднему германскому постановленію. Исправить французскій законъ весьма легко, а именно, оговорить въ art. 3 добываніе таинственныхъ свѣдѣній, *съ цѣлью передачи ихъ* къ другому лицу, обложивъ эту преступную дѣятельность повышеннымъ наказаніемъ.

Новый проектъ германскаго уголовного уложенія, какъ видно изъ объяснительной записки, въ существѣ своемъ воспринялъ постановленія закона 3-го іюня 1893 года, въ виду того, что означенный законъ признанъ вполне состоятельнымъ и оправдывающимъ свое назначеніе.

§ 108 германскаго проекта, соответствующій §§ 1 и 2 закона 1893 года, воспрещаетъ противозаконныя передачи или сообщеніе секретныхъ свѣдѣній, а § 110 проекта, соответствующій §§ 3 и 4 закона 1893 года, воспрещаетъ противозаконное добываніе или узнаваніе о секретныхъ предметахъ или свѣдѣніяхъ.

Интересно замѣтить, что австрійское дѣйствующее уголовное уложеніе и проектъ уголовного уложенія 1909 года совершенно не говорятъ о сообщеніи или передачѣ секретныхъ свѣдѣній правительству иностраннаго государства или его агентамъ. Для австрійскаго законодателя достаточно, чтобы виновный «вывѣдывалъ» свѣдѣнія извѣстной категоріи. При этомъ, дѣйствующій законъ [§ 67 (60)] предусматриваетъ только тотъ случай, когда вывѣдываніе совершается въ намѣреніи сообщить полученныя свѣдѣнія какому-либо другому государству. Проектъ австрійскаго уложенія 1909 года пополняетъ пробѣлъ дѣйствующаго закона и облагаетъ наказаніемъ, — заключеніемъ въ тюрьмѣ или арестомъ на срокъ отъ четырехъ недѣль до трехъ лѣтъ, — вообще вывѣдываніе воспрещенныхъ къ оглашенію свѣдѣній, повышая это наказаніе до 10 лѣтъ каторги, если виновный дѣйствуетъ въ намѣреніи доставить свѣдѣнія другому государству (§ 126).

Нельзя не сказать, что австрійскій законодатель, отмѣтивъ, наученный, вѣроятно, горькимъ опытомъ войны 1866 года, только одинъ важный въ шпионствѣ моментъ — сборъ свѣдѣній (вывѣдыва-

⁶⁾ Поль Лянуаръ. Нѣмецкое шпионство во Франціи, стр. 163 и слѣд.

ніе), упустилъ изъ виду очень многое и этотъ законъ, какъ видно, далеко отъ совершенства.

Судебная практика, созная недостатокъ закона, по возможности восполняетъ его недостатки, правда, прибѣгая иногда для этого къ невозможнымъ юридическимъ антикамъ. Такъ, напримѣръ, желая во чтобы то ни стало покончить съ Бартманомъ, шпиономъ весьма умнымъ и опытнымъ и не имѣя возможности, при всѣхъ натяжкахъ, обвинить его въ новомъ шпионствѣ, австрійскія власти создали, непонятное для юриста и неизвѣстное законодательнымъ кодексамъ, преступленіе—*вымогательство по отношенію къ государству*.

Италянское уголовное уложеніе 1890 года (art. 107) воспрещаетъ открытіе государственныхъ или военныхъ тайнъ, сообщеніе или опубликованіе ихъ, либо *облеченіе*, какимъ бы то ни было образомъ, *ознакомленія* съ ними. Наказаніе увеличивается, если тайны будутъ открыты иностранному государству или его агенту. Проектъ швейцарскаго уголовного уложенія 1908 года (art. 195) предусматриваетъ открытіе иностранному правительству или его агенту тайны.

Сербскій законъ о наказаніяхъ различаетъ добываніе тайнъ (§ 85^a), сообщеніе ихъ иностранному правительству или его агенту, или разглашеніе (§ 86). Наказанія по этому закону опредѣлены вообще очень высокія, а именно: только за «стараніе» получить секретныя свѣдѣнія и разглашеніе ихъ—каторга до 10 лѣтъ, если же виновный старается получить свѣдѣнія съ намѣреніемъ сообщить ихъ иностранной державѣ, то каторга до 20 лѣтъ, а непріятелю—смертная казнь, но, къ сожалѣнію, законъ весьма казуистиченъ, а потому, вѣроятно, вызоветъ обширную кассационную практику.

А. Резановъ.

